

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Несобственно-прямая речь (НПР) – сложное и многогранное явление, наблюдаемое преимущественно в художественных текстах.

Открыта и описана НПР была впервые немецким исследователем А. Тоблером на материале французской прозы в 1887 году. Первоначально она понимается А. Тоблером как «своеобразное смешение прямой и косвенной речи» (*Eigentümliche Mischung direkter und indirekter Rede*). Но постепенно ее стали осмысливать как особый прием структурирования художественного текста, как грамматико-стилистическое явление, заслуживающее быть объектом теоретического изучения.

Художественный текст как объект исследования имеет давнюю традицию в языкознании, что отражено в работах В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. А. Потебни, представивших язык и речь как две формы проявления речевой деятельности и определивших, что текст – это не просто письменная фиксация речи во всех ее формах, а что он обладает определенными законами построения, смыслового и формального соединения и разграничения составляющих его единиц.

Как средство коммуникации художественный текст передает определенный объем информации об объективном мире и субъективное видение этого мира, а также волевое намерение, интенцию, которую автор стремится реализовать в структуре текста с помощью лингвистических средств.

Как процесс коммуникации художественный текст моделируется автором, создающим его структуру и определяющим выбор языковых средств, которые эксплицитно адресованы читателю и возбуждают его реакции, как это происходит в диалоге (дискурсе).

Особый интерес представляет изучение художественной коммуникации на базе НПР.

В современном понимании НПР представляется как сложное синтаксическое целое, формирующееся из ряда самостоятельных предложений и специализированное, главным образом, на передаче внутреннего хода мыслей действующего лица, не соотношенного с ходом мысли автора и снабженного характерным эмоциональным регистром, который преобладает над предметно-логическим планом содержания. При этом НПР использует средства грамматики и стилистики, способные выразить указанный план и регистр.

Стоит отметить тот факт, что в процессе теоретической разработки долгое время для обозначения НПР употреблялось много неравноценных и разнопорядковых терминов, явившихся следствием разных подходов к изучаемому объекту. Так, НПР именовали: пережитая, скрытая, завуалированная, псевдообъективная, свободная косвенная, несобственно-прямая, несобственно-косвенная, несобственно-авторская, авторское смешение косвенной и прямой речи, косвенно-прямая, пересказанная, фигуральная, художественная косвенная речь, внутренний монолог, речь как факт, речь в речи и др. Наиболее полно перечень основных обозначений терминов дан в монографии А. Нойберта (1957). Автор исходит из того, что структурная многосторонность и глубокое психологическое содержание НПР сами вызвали к жизни такое большое число терминов (более 30) для обозначения этого явления, базирующегося на синтезе авторской речи и речи действующего лица.

Наличие столь разнообразных терминов для обозначения НПР и их объединение в терминосписок служат в известном смысле ключом к полному осмыслению понимавшегося под этими определениями явления во всей его языковой, стилистической и психологической многогранности. Используемый же в отечественной лингвистике термин *несобственно-прямая речь* (*uneigentlich direkte Rede*) восходит к обозначению, предложенному Г. Лерх, тогда как в немецкой лингвистике распространен вариант позднейших модификаций – термин *erlebte Rede* (пережитая речь), который ввели Э. Лорк и О. Вальцель.

Как отечественные, так и зарубежные лингвисты-исследователи явления признают, что «несобственно-прямая речь возникла в результате совершенствования способов передачи чужого высказывания и приемов ведения авторского повествования» (В. И. Кодухов). При этом отмечается, что НПР – это «более тонкий», чем прямая и косвенная речь, способ передачи речи и хода мыслей действующего лица. Благодаря НПР в художественный текст добавилось новое качество: *Einfühlung* (выражение А. Нойберта). За ним кроется искусство сопереживания, возможности вникнуть в самые глубины внутреннего мира изображаемых явлений и людей, что хорошо удается посредством несобственно-прямой речи.

По существу НПР относится к суперсинтаксическому уровню и как явление грамматики немецкого языка обычно не описывается. Однако само

ее структурирование отмечено характерными грамматическими свойствами и признаками, стимулирующими привлечение внимания исследователей-грамматистов.

В художественном тексте НПР реализуется на трех уровнях: морфологическом, синтаксическом и лексическом.

Отличительными признаками НПР является, в первую очередь, преобладание индикативных глагольных форм, а именно претеритальных, со значением настоящего или будущего в прошедшем, типичного только для НПР. Продуктивность претерита НПР связана с его эпическим характером, свойством передавать воспоминания, создавать континуум. Претеритальные формы НПР эквивалентны презентным в авторской или прямой речи, т.е. претерит НПР передает настоящее действующего лица в авторской перспективе прошедшего, создавая эффект настоящего в прошедшем. Маркерами настоящего выступают темпоральные наречия типа *jetzt, heute, da*. С помощью таких маркеров действующее лицо фиксирует в прошедшем момент, представляющий для него ситуацию «здесь и сейчас».

Специфической формой темпоральной системы НПР является плюсквамперфект, т.к. в НПР он утрачивает свое значение предшествования и приобретает значение просто прошедшего. Это, в основном, ситуации, когда сюжетно-композиционная структура художественного текста нуждается не столько в изображении процесса действия, сколько в демонстрации каких-то выводов, результатов, обобщений. Плюсквамперфект НПР изменяет свое основное значение, а его фактическое содержание соответствует значению перфекта. Действующее лицо хотя и пользуется временной формой плюсквамперфект для показа своих чувств и переживаний в прошлом, но уже с иным его значением, и соотношение «претерит + плюсквамперфект» соответствует содержанию соотношения «презентс + перфект». Т.е. функции плюсквамперфекта в НПР формируются внутренней структурой последней. Сама НПР, как и в случае с претеритом, существенно влияет на характер употребления временных форм в ней, и плюсквамперфект, о чем свидетельствуют результаты исследования, может употребляться также и для выражения будущего времени.

Наибольший интерес представляет значение будущего в прошедшем, типичное только для НПР. Этому значению посвящено много работ в связи с употреблением кондиционалиса 1 (конструкции «*würde* + Infinitiv»). Однако вокруг этой конструкции до настоящего времени ведутся споры относительно ее употребления и значений. А именно выражает ли кондиционалис 1 в НПР то же самое, что и в косвенной речи, т.е. косвенность высказывания и относительную будущность действий, или существуют различия в функциях кондиционалиса 1 в косвенной речи и в НПР. Мы приходим к выводу о том, что конструкция «*würde* + Infinitiv» имеет индикативный характер, хотя нельзя отрицать и модальный характер высказывания. Но здесь модальность зависит от контекста, который представляет собой передачу чужих мыслей. Намерение же автора – дистанцировать, ограничить речь действующего лица и авторскую речь. Однако здесь точка зрения

автора является доминирующей, и подчинение точки зрения действующего лица точке зрения автора имеет своим следствием формальное «выравнивание» временных форм, появляется кондиционалис 1, который выражает реальное будущее в прошедшем, и вместе с тем сомнение и неуверенность в реализации действия в будущем. Для обозначения будущего в прошедшем в НПР редко, но все же используются и другие формы (претерит индикатив, формы футурума 1-го индикатива и конъюнктива, кондиционалис 2, плюсквамперфект индикатив, футуральный презенс, футуральный перфект, футурум 2 индикатив). Все эти формы могут иметь значение предстоящего относительно речи автора или предыдущей речевой ситуации.

Что же касается синтаксических особенностей НПР, то здесь следует отметить, что НПР встречается в художественных текстах как в форме значительных комплексов, состоящих из нескольких предложений, так и в виде отдельных предложений и даже группы слов или отдельного слова внутри авторского повествования. В оформлении комплексов НПР принимают участие все структурно-семантические типы предложений языка. Тем не менее среди многообразия синтаксические структур, как показывают результаты исследования, можно выделить типы предложений, играющих большую роль для НПР в ее основных стилистических функциях. Это различные виды вопросительных предложений, которые могут целиком оформлять комплекс НПР, создавая три семантические разновидности – уточняющие, описательные и выделительные, – либо чередоваться с другими типами предложений с разной грамматико-смысловой зависимостью. Помимо вопросительного типа для НПР большое формообразующее значение имеют восклицательные предложения разной структуры, а также неполные предложения, присоединительные конструкции и односоставные предложения (преимущественно с оценочной семантикой).

Употребление каждого из вышеназванных типов предложений связано с той или иной функцией НПР. Так, вопросительные предложения, как никакой другой структурный тип, способны показать процесс рождения мысли и ее дальнейшее развитие. Восклицательные и односоставные предложения способны передавать эмоциональное содержание всего комплекса НПР при минимальном лексическом объеме. Неполные предложения и присоединительные конструкции обеспечивают грамматико-логическое единство внутри комплекса НПР, являясь семантическими звеньями НПР, из которых складывается автосемантия комплекса в целом.

Преобладающий структурно-семантический тип предложений в НПР вариативен в произведениях разных авторов, но вопросительный и восклицательный типы преобладают по частоте их употребления, а также образуют очень часто «семантическое ядро» комплекса НПР.

В НПР имеет место и транспозиция лица, когда вместо первого лица единственного или множественного числа используется местоимение третьего лица. Возникшая и развивающаяся на базе двух способов речи – прямой и косвенной, – несобственно-прямая речь впитала в себя их особенности, максимально приближаясь со стороны синтаксического оформления

к структурным типам прямой речи. Что же касается прономинальной транспозиции, то тут автор изображает внутренний мир действующего лица через призму собственного повествования.

Fini war aufgeregt, aber zu ihrer Verwunderung spürte sie keine Angst, eher Trotz und sogar ein bisschen heimlichen Stolz. Was sollte nun werden? Würde man sie verhören? Wie hatte sie sich zu verhalten? (H. Zinner „Fini: Ahnen und Erben“).

К признакам, характеризующим НПП на лексическом уровне, относятся усилительные модальные частицы (*selbst, nun, bloß*), вопросительные модальные частицы (*wirklich, ob, denn*), отрицательные и неопределенные местоимения (*niemand, jemand*), также лексические единицы разговорной речи, которые привносят в НПП дополнительные экспрессивные оттенки. В НПП могут употребляться жаргонизмы, диалектизмы, междометия, частицы, модальные слова со значением предположения.

Благодаря использованию различных лексических средств НПП вступает в разнообразные логико-грамматические отношения с окружающим контекстом. Она либо вырастает из авторского контекста, являясь ее логическим продолжением или эмоциональным усилителем, либо сопровождает прямую или косвенную речь, либо возникает из внутреннего монолога и перерастает в него, либо стоит обособленно, создавая в художественном тексте особые условия сочетаемости объективного и субъективного.

Таким образом, НПП характеризуется использованием элементов, относящихся к различным языковым уровням, которые, взаимодействуя друг с другом, создают модальный план НПП. Именно наличие разнообразных средств обуславливает максимальный коммуникативный эффект. Но следует иметь в виду, что отношение к действительности в контекстах НПП есть не чье-то прямое, а опосредованное авторским восприятием и намерением видение действительности. Автор художественного текста сам создает возможный мир, объясняя и оценивая его через голоса действующих лиц.